

С ИМЕНЕМ ЛЕНИНА

Маршал
Советского Союза
Иван Степанович Конев
(1897—1973)

В майские дни 1945 года во многих газетах мира был опубликован уникальный снимок, подпись под которым гласила: «Богатырский сон». На фотографии — до отказа заполненная людьми улица Праги. В центре, прямо посреди улицы, стоит машина.

В кузове вповалку спят советские бойцы. Шофер — за рулем. А один, видимо командир, уснул, прислонившись головой к ветровому стеклу.

Ярко светит майское солнце. Буйно цветет черемуха. Вокруг огромный шумный город. А они спят крепким сном... Сном солдат, выполнивших свой долг.

Пражане, плотно окружившие машину, с любопытством и благоговением смотрели на своих освободителей и как бы превратились в часовых, охраняющих покой советских воинов. Это они прикрепили к ветровому стеклу красный флажок, положили на капот букетик цветов...

Снимок мы показали участнику освобождения Чехословакии полковнику в отставке Александру Ивановичу Сиземову.

— Сколько лет прошло, а все помню, будто было вчера,—

говорил он, рассматривая фотографию. — Да какой там сон? Проходили по 100—150 километров. 6 мая войска 1-го Украинского фронта получили приказ: развивать наступление на Прагу в быстром темпе. Движение не прерывать ни днем, ни ночью. Так что запечатленных на снимке можно понять. А как их встречали в Праге!..

В те дни стало известно о присвоении Маршалу Советского Союза Ивану Степановичу Коневу звания почетного гражданина Праги.

Торжественный акт вылился в демонстрацию благодарности Красной Армии и советскому народу. Сотни тысяч пражан приветствовали на Вацлавской площади маршала Конева. Здесь находилось много иностранных корреспондентов. Плотным кольцом обступили они маршала. Пресс-конференция не предусматривалась. Но Иван Степанович любезно согласился побеседовать с представителями печати. И вот посыпались вопросы журналистов:

— Господин маршал, правда ли, что вы были кадровым офицером старой русской армии? Вы участвовали в известном прорыве генерала Брусилова? В каком звании? Чем вы тогда командовали? В каком царском военном училище вы получили специальное образование? Кем был ваш отец? Как велики были его поместья?

И наконец:

— Чем вы, господин маршал, объясняете столь убедительные успехи ваших войск, в особенности в последний год войны?

Конечно же, вопросы эти не были случайными. На Западе в то время появилась легенда, что наиболее выдающиеся советские полководцы будто бы получили образование в царских академиях, что сами они — выходцы из привилегированных классов и, мол, по этой причине добились превосходства над гитлеровским генералитетом рейхсверской школы.

Все с интересом смотрели на маршала. Что и как он скажет? Как поведет себя в этой ситуации?..

— Позвольте мне, господа, ответить на все ваши вопросы сразу. Боюсь, что я вас разочарую. Я сын бедного крестьянина и принадлежу к тому поколению русских людей, которые встретили Октябрьскую революцию в свои молодые годы и навсегда связали с ней свою судьбу. Военное образование у меня наше, советское, а следовательно, неплохое. Успехи фронтов, которыми мне посчастливилось командовать, неотделимы от общих успехов Красной Армии. А эти ее успехи я объясняю, в свою очередь, тем, что мы, советские люди, идя через нечеловеческие испытания и трудности, познали ни с чем не сравнимое счастье бороться за дело Ленина, беззаветно служить социалистической Родине. Мы, советские труженики в солдатских шинелях, всеми своими мыслями связаны со своим народом, живем его жизнью, боремся за наши идеи... В этом наша сила. Была. Есть и будет.

Родился Иван Степанович в деревне Лодейно на Вологодчине. Деревня лежала на большаке, ведущем из Котельничей в город Великий Устюг. Это примерно у границы нынешних Вологодской и Кировской областей.

Приходскую школу Иван Конев закончил с похвальным листом. Учитель подарил ему книгу Н. В. Гоголя «Ревизор» с очень лестной надписью: «За выдающиеся успехи и примерное поведение». Как раз тогда Ивану довелось случайно прочесть запрещенную брошюру о революции 1905 года.

Понял ли до конца тринадцатилетний крестьянский мальчик ее суть или нет, трудно сказать, но некоторые выводы сделал. На лубочной карте мира были размещены фигуры царей, королей и президентов. Иван взял да выколол глаза у японского микадо и русского царя.

Как на зло, в гости приехал старший брат отца — урядник. Увидев расправу, учиненную над двумя августейшими особами, он сейчас же принялся рыться в книжках. Отыскав брошюру о 1905 годе, закричал:

— Чья? Кто читает?

— Я, — ответил Иван.

— Ах, ты! — дядя ударил племянника брошюрой по лицу. — Степан, видишь, куда твой косит? — сказал он брату. — Я эту книжку у вас изымаю. Если твой щенок еще за что-нибудь такое возьмется, узнаю — обоих посажу. Понял?

Надо было продолжать учиться. До земского училища в селе Пушма — десять верст. Иван стал ходить туда и обратно пешком. И здесь его успехи в учебе были отмечены похвальным листом. А как жить дальше? После сезонных работ пошел он, как тогда говорили, в люди — направился в город с письмом к дяде Дмитрию, работавшему грузчиком в порту. Небогато жил тот дядя, но племянника принял, помог устроиться табельщиком на пристани.

В то время шла империалистическая война. Русская армия несла большие потери. Требовались новые резервы. Все больше рекрутов призывали в армию. И вот в мае 1916 года Иван Конев получил повестку. С ней он и направился в уездный город.

Военное дело, хоть и тяжела была служба, увлекло крестьянского парня. Грамотный, хорошо физически развитый он обратил на себя внимание командиров, и его отобрали в учебную артиллерийскую команду, готовившую младший командный состав. Фейерверкером¹ он встретил в Москве февральскую революцию. Активно участвовал в ней: освобождал арестованных солдат своей бригады, разоружал жандармов.

Среди сослуживцев Конева были и большевики. В казарме появились ленинская «Правда», листовки. Именно тогда он понял, что борется за коренные интересы трудового народа, и уже по

¹ Воинское звание младшего командного состава в артиллерии русской армии.

сути стал большевиком, хотя еще официально не вступил в РСДРП(б).

Вскоре произошла Великая Октябрьская социалистическая революция. Началась демобилизация царской армии. В январе 1918 года Конев решил вернуться в родные края. Дома он с удивлением и возмущением узнал о невзгодах односельчан, о том, что местные кулаки бесчинствуют в деревнях, мешают установлению Советской власти. Большевистски настроенный солдат Конев обращается в уком партии. Вчерашнего фронтовика, крестьянина-бедняка, едва достигшего двадцати лет, приняли в партию, избрали членом исполкома и назначили военным комиссаром Никольского уезда.

С этого времени Иван Степанович навсегда связал свою судьбу с Советскими Вооруженными Силами. В годы гражданской войны боролся с мятежниками, белогвардейцами, иностранными интервентами. Командовал отрядами. Был комиссаром бронепоезда, стрелковой бригады, дивизии. Ему посчастливилось принимать участие в работе V Всероссийского съезда Советов, X съезда РКП(б). Он видел Владимира Ильича Ленина, слышал его выступления. Особо запало ему в душу выступление Ильича перед делегатами съезда партии — участниками подавления Кронштадтского мятежа.

С именем Ленина уезжал Конев из Москвы в Читу, куда он был назначен комиссаром штаба Народно-революционной армии Дальневосточной Республики.

Бурные события гражданской войны закалили его характер, научили быть чутким, человечным, снисходительным к мелким недостаткам людей и в то же время твердым, непримиримо принципиальным, решительным, даже жестким, когда речь шла о врагах революции и партии.

Эти качества особенно ярко проявились, когда осенью 1924 года Конев был назначен комиссаром и начальником политотдела 17-й стрелковой дивизии Московского военного округа. Дивизия вскоре добилась явных успехов, и комиссара вызвал член Реввоенсовета, командующий войсками округа К. Е. Ворошилов. Оказалось, он еще со времен Кронштадтского мятежа не выпускал Конева из поля зрения.

— Вы, товарищ Конев, — сказал он, — по нашим наблюдениям, комиссар с командирской жилкой. Это счастливое сочетание. Вам надо учиться, овладеть всем, что есть в военной науке. Это поможет вам стать хорошим командиром.

1926 год стал переломным в жизни Конева. Иван Степанович попросил направить его на учебу, и вскоре его зачислили на Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава, где пополняли теоретические знания участники гражданской войны.

После успешного окончания курсов Коневу предлагали весь-

ма значительные посты, но, категорически отказавшись от них, он добился назначения командиром полка.

— Полководец начинается в полку,— утверждал Конев.— Прыгать через ступеньку в жизни вообще не стоит. Ну а в военной деятельности перешагнуть через полк, по-моему, вовсе нельзя. Нет таких всеобъемлющих начальников, как командир полка. Он командир-единоначальник, в его руках собрано буквально все, что относится непосредственно к бою и военному быту, к обучению и воспитанию людей, поддержанию дисциплины... Полк сделал меня человеком поля... И это пригодилось мне на войне... Командир полка был на войне тем мастером, без которого не обойтись в любом деле, в любом цехе, тем более в цехе войны. Без мастера — знатока всех элементов данного производства — дело так же не пойдет, как на войне без командира полка — знатока всех элементов организации общевойскового боя.

В 1931 году Иван Степанович возглавил свою родную 17-ю стрелковую дивизию. Под его командованием она добилась высоких результатов в боевой учебе и оказалась на лучшем счету в столичном округе и во всей Красной Армии. А стремление к совершенствованию в Коневе не угасает. В 1932 году он подает рапорт с просьбой снова откомандировать его на учебу. На этот раз — в Военную академию имени М. В. Фрунзе...

Выпускная комиссия констатировала, что «академический курс слушатель Конев усвоил отлично. Он достоин выдвижения на должность командира и комиссара стрелкового соединения». Иван Степанович назначается в Белорусский военный округ командиром 37-й стрелковой дивизии.

Опасность войны нарастала не только на западе, но и на Дальнем Востоке. Японские милитаристы развязали войну в Китае, сосредоточили в оккупированной Маньчжурии на границе с Советским Союзом огромную армию, совершали одну военную провокацию за другой.

В один из дней 1936 года комдива Конева вызвал К. Е. Ворошилов — нарком обороны.

— Ну что же, правильно мы поступили, товарищ Конев, что направили вас на командную должность... Принято решение назначить вас командующим особой группой войск в Монголии. Японское командование сосредоточивает у ее границ крупные силы. Великий хурал Монгольской Народной Республики обратился к Советскому правительству с просьбой прислать войска Красной Армии. Действуйте быстро,— заключил нарком,— дорог каждый час. К выполнению обязанностей приступайте немедленно. Все необходимые указания получите в Генеральном штабе. Удачи вам.

Миссия командующего особой группой войск оказалась не простой. Разведка докладывала: японские войска изготовились к наступлению. Упредить их внезапный удар можно было быстрой и организованной перегруппировкой советских войск, выводом их

на угрожаемые рубежи, растянувшиеся по безводной гористой пустыне Гоби. И на все это отводилось двое суток.

— Даже в годы Великой Отечественной войны,— подчеркнет маршал спустя двадцать лет, беседа со слушателями Военной академии имени М. В. Фрунзе,— у меня не было, пожалуй, таких напряженных двух суток, как те, осенью 1937 года. Солдаты наши совершили поистине невозможное. Все происходило в пустыне, где нет ни дерева, ни травинки, где ветры валят человека с ног, где нет дорог, где в лощинах между холмами машины вязнут по самые оси, а на холмах порой земля так тверда, что лопата звенит об нее, как о камень... Когда я смотрю в музее знаменитую суриковскую картину «Переход Суворова через Альпы», мне представляются на ней вместо тех суворовских орлов-гренадеров... наши красноармейцы, что совершили свой славный форсированный марш по монгольскому бездорожью.

1 июля 1938 года в связи с усилившейся угрозой военного нападения Японии Отдельная Краснознаменная Дальневосточная армия преобразуется в Краснознаменный Дальневосточный фронт. В его состав вошли две армии. Командующим 2-й Краснознаменной армией стал комкор Конев. А два года спустя его назначают командующим войсками Забайкальского военного округа. Перед началом Великой Отечественной войны Иван Степанович Конев командует уже Северо-Кавказским военным округом.

Обстановка в мире становилась все более угрожающей. 18 декабря 1940 года Гитлер подписал директиву № 21, так называемый план «Барбаросса» — план нападения на Советский Союз. Конечно, в то время военно-политическое руководство нашей страны не знало об этом. Но оно видело, что угроза войны вырисовывалась все явственнее. Советское правительство принимало меры по укреплению обороны. Красная Армия оснащалась новой техникой, автоматическим оружием. В войсках шли напряженные учения. Они проводились в обстановке, приближенной к боевой.

В Великую Отечественную войну генерал-лейтенант И. С. Конев вступил командующим 19-й армией. Ночью 21 июня 1941 года ему позвонил начальник штаба Киевского Особого военного округа генерал-лейтенант М. А. Пуркаев:

— Положение тревожное, Иван Степанович, будьте готовы к худшему.

Худшее началось на рассвете. Всей своей военной мощью фашистская Германия и ее сателлиты обрушились на мирные советские города и села.

Командующий 19-й армией получил приказ перегруппировать соединения армии из-под Киева в район Витебска. Эшелоны шли медленно. Противник постоянно наносил удары по железной дороге. Пути то и дело оказывались взорванными. Головному эшелону удалось прорваться к Рудне. Конев разыскал штаб Западного фронта, в распоряжение которого поступала армия.

— Соберите все, что имеется под рукой, товарищ Конев,— приказал ему командующий фронтом Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко,— и отбросьте немедленно противника от Витебска. С приходом армии организуйте устойчивую оборону в междуречье Западной Двины и Днепра.

Надо было выяснить обстановку. С небольшой группой работников штаба, радиостанцией и отделением охраны Иван Степанович, не ожидая подхода своих войск, отправился в Витебск. В пути стало понятно, что положение здесь гораздо более угрожающее, чем предполагал: под давлением многократно превосходящих сил врага разрозненные части и подразделения наших войск отходили на восток. Пришло единственно возможное решение — останавливать отступающих на выгодных для обороны рубежах, создавать сводные боевые части и воспретить врагу безостановочное продвижение на Витебском направлении.

Этим Иван Степанович с присущей ему настойчивостью и занялся. Он вышел из машины, снял плащ, чтобы видны были знаки различия. Спокойствие, четкие команды генерала сделали свое дело. В Витебск он вступил с несколькими стрелковыми подразделениями, двумя артиллерийскими батареями, десятком танков.

На центральной площади города Конев увидел офицера и с ним несколько бойцов. Это был майор Рожков из 37-й стрелковой дивизии, которой в 30-е годы командовал Иван Степанович.

— Много у вас людей? — спросил Конев.

— Человек двадцать было утром. Теперь больше. В Витебске принял под командование роту Осоавиахима и рабочее ополчение. Правда, оружия маловато. Да и патронов почти нет. Дал команду собрать что есть на поле боя. Организовал оборону на Западной Двине и принял на себя командование гарнизоном.

— Товарищ майор, ваши действия одобряю. Держитесь до утра. Придут подкрепления.

Он оставил в распоряжении майора Рожкова пехотинцев и танки, а сам пошел на батарею, которая заняла открытую позицию у реки. Здесь, как полагал Конев, проходило направление главного удара врага. И действительно вскоре в сопровождении танков противник двинулся к мосту. Начался ожесточенный бой. Красноармейцы Рожкова забрасывали вражеские танки бутылками с горючей смесью. Несколько танков запылало. Артиллеристы со своей позиции поддержали пехоту. Так совместно отбили первую атаку.

Прошло некоторое время. Противник подтянул самоходные орудия и стал бить по артиллерийской батарее. Она приняла бой. По разрыву снарядов Конев понял — сейчас накроют. Приказал расчетам отойти в укрытие. Сам прилег в окоп. Командир батареи немного замешкался, и его сразил осколок. Тогда командующий армией принял на себя управление огнем. В эти минуты в нем как бы жили два человека: командир батареи и полководец. Один

из них указывал цели, корректировал огонь. Другой анализировал все увиденное в первые сутки войны. Иван Степанович уяснил главное — чтобы остановить врага, нужно вести активную оборону и, не ожидая полного сосредоточения своих войск, нанести по врагу внезапный контрудар. Более трех суток шли бои. Противник вынужден был отказаться от наступления вдоль магистрали Витебск — Смоленск и приступил к перегруппировке...

10—12 июля на центральном участке советско-германского фронта развернулось грандиозное сражение, вошедшее в историю Отечественной войны как Смоленское. И в том, что в те дни наступление гитлеровцев на Москву захлебнулось, важную роль сыграла 19-я армия, которая, отходя, наносила противнику ощутимые потери. Так же сражались 16-я и 20-я армии Западного фронта — соседи 19-й. И не случайно начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Ф. Гальдер записал в своем дневнике: «На участке группы армий «Центр» создается невыгодная для нас обстановка. Войска несут большие потери...»

В Смоленской оборонительной операции И. С. Конев проявил себя как талантливый военачальник, способный руководить сражениями большого масштаба. 11 сентября Ивану Степановичу присваивается воинское звание генерал-полковника, а на следующий день он назначается командующим войсками Западного фронта. Назначение И. С. Конев принял с благодарностью, но и с ощущением огромной ответственности.

Всего лишь месяц командовал он Западным фронтом. Но в иных условиях такого напряжения не испытывал и за год. Вот где потребовалась полководческая мудрость Ивана Степановича, чтобы, опираясь на выгодные рубежи, построить глубокоэшелонированную оборону и, сдерживая противника, наносить ему возможно большие потери. Особенно трудно было тогда, когда гитлеровцы, начав наступление по плану «Тайфун», прорвали оборону советских войск и, несмотря на героическое сопротивление защитников столицы, захватив ряд городов, вышли в район Вязьмы.

В создавшейся тяжелой обстановке для координации сил обороны Западный и Резервный фронты сливаются. Командование этим огромным объединенным фронтом поручается генералу армии Георгию Константиновичу Жукову. И. С. Конев становится его первым заместителем.

Не менее сложная обстановка была в те дни и на Калининском направлении. Возникла реальная угроза прорыва нашей обороны и захвата Калинина. Иван Степанович, обремененный чрезвычайными полномочиями, прибыл в город. Выяснилось, что в Калинин войск почти нет. А жители города волновались. Слухи наплывали один на другой: между Калинином и Москвой неприятель выбросил большой воздушный десант... целые подразделения немцев, переодетых в нашу форму, будто бы бродят по городу... перерезана железная дорога... Точно было известно лишь то, что

немецкие танки прошли город Зубцов и движутся в направлении Калинина и Москвы. Конев прикинул: в Калинин они могут быть через два-три дня. И тут он применил старый суворовский прием, приказав принести койку в кабинет военкома:

— Хочу отдохнуть с дороги,— сказал он. Снял сапоги, не раздеваясь, прилег на нее, укрылся шинелью.

В городе сразу стало известно: заместитель командующего фронтом отдыхает. Значит, все будет хорошо. Люди успокоились. А Конев немедленно занялся организацией обороны. Используя чрезвычайные полномочия, он остановил на станции эшелон с частями дивизии генерала Поленова, приказал им выгрузиться и занять оборону к западу и юго-западу от Калинина. Затем дивизия генерала Горячева получила приказ: форсированным маршем двигаться к Калинин.

Нетрудно было понять, что для врага Калинин — лишь этап на пути к Москве. Сложнее было вскрыть намерение гитлеровского командования. Проанализировав данные разведки и допросив пленных, Иван Степанович разгадал замысел врага — вбить клин в нашу оборону и нарушить оперативное взаимодействие войск Западного и Северо-Западного фронтов; приказал командарму-31 генералу Юшкевичу вывести главные силы в район Торжка и занять там прочную оборону.

Ночью Конев приехал в Ржев в армию генерал-лейтенанта Масленникова:

— Приказываю всеми дивизиями перейти через Волгу и ударить по тылам наступающего противника.

У Конева уже тогда созрел план такой обороны, которая бы помогла задержать наступающего врага. Но сам город удержать не удалось. Зато и гитлеровцы не смогли осуществить свой замысел. Воины вовремя выдвинутой вперед дивизии генерала Горячева встали насмерть на северо-восточной окраине города. Продвижение противника в этом направлении было задержано.

На следующий день Иван Степанович докладывал начальнику Генерального штаба: «Авангарды Гота на отрезке шоссе Калинин — Медное разгромлены. Северо-восточнее города организован сплошной стабильный фронт». У аппарата в этот момент оказался Верховный Главнокомандующий, который продиктовал следующий ответ: «...Ставка решила образовать Калининский фронт в составе 30, 31, 29 и 22-й армий и отдельных дивизий, действовавших на этом направлении. Командующим фронтом назначен генерал-полковник Конев. Желаем успеха»...

5 декабря войска фронта, реализуя замысел командующего, перешли в контрнаступление. Ударная группировка успешно форсировала Волгу. Враг, неся большие потери, предпринял ряд сильных контратак, но остановить наступательный порыв советских воинов не смог. Кольцо окружения вокруг Калинина почти сомкнулось. В ночь на 16 декабря противник, почувствовав угро-

Военный совет Северо-Западного фронта (слева направо): генералы И. К. Смирнов, Ф. Е. Боков, И. С. Конев и М. П. Пронин. 1943 г.

зу, начал в панике бежать, бросая боевую технику и вооружение. В город вступили советские войска.

О полководческом почерке Ивана Степановича Конева емко сказал Борис Полевой: «У хороших полководцев, как и у хороших писателей, есть свой творческий почерк... Был свой особый почерк и у маршала Конева. Очень индивидуальный, ярко выраженный почерк, который можно проследить во всех проведенных им операциях».

Западный, Калининский, Северо-Западный, Степной, 2-й Украинский, 1-й Украинский фронты. Сотни боев, десятки сражений, главным образом наступательных, провел он в дни Великой Отечественной войны. И, как утверждают исследователи, ученые, ни одна из операций в сущности не походит на другую, являясь отражением передовых концепций советской военной стратегии, талантливо и умело воплощенных.

— Есть шахматисты, — говорил генерал армии И. Е. Петров, — которые могут играть, не глядя на доску: вся доска, все расположение фигур у них в уме. Так и Конев может представить себе расстановку соединений, не глядя на карту, точно сказать, что против них стоит и на какой местности.

Вот почему Иван Степанович такое большое внимание уделял тщательному изучению сил противника во всех мелочах и деталях.

Обычно, как только принималось решение на проведение операции, он тотчас же отправлялся в армии, корпуса, дивизии и там, используя свой богатейший опыт, готовил войска к боевым действиям.

— Изучение противника и плацдарма будущего наступления надо проводить не отвлеченно, а визуально, — учил Иван Степанович подчиненных. — Все надо предварительно осматривать и заранее прикидывать в уме. Все возможные варианты, которые могут возникнуть в ходе боя. Недаром говорят: не зная броду, не суйся в воду... Полководец должен не стесняться ползать на брюхе по передовой...

Конев всемерно стремился массировать силы и средства на избранных направлениях ударов, добивался тесного сочетания огня и действий войск, а также широкого маневра на поле боя.

— Что такое маневр? Каковы его сущность и значение в достижении победы? — ставил вопрос маршал Конев перед слушателями Военной академии Генерального штаба. — Мне представляется, что маневр является неотъемлемой и составной частью операции и боя... Цель маневра — занять выгодное положение по отношению к противнику для нанесения решительного удара. Он может осуществляться также средствами огневого поражения для масшированного воздействия по наиболее важным вражеским объектам.

И действительно, с помощью маневра в годы войны Конев не раз достигал победы над врагом. Так было и в Корсунь-Шевченковской операции. Совместными ударами войск 1-го и 2-го Украинских фронтов было осуществлено окружение крупных сил противника, его корсунь-шевченковской группировки. Немецкое командование для спасения окруженных войск перебросило несколько танковых дивизий из других районов. Однако советское командование, предвидя такой ход событий, создало внешний фронт окружения, второе кольцо вокруг блокированной группировки. Развернулись напряженные бои. Окруженные гитлеровцы предпринимали настойчивые атаки, пытались вырваться из кольца. В то же время на внешнем фронте шли тяжелые бои с крупными танковыми силами врага, пытавшимися соединиться с окруженными. Операция грозила затянуться.

Вот в такой сложной обстановке И. С. Конев и принял смелое решение — перегруппировать 5-ю гвардейскую танковую армию, чтобы не дать возможности окруженным соединиться с пробивающимися к ним на помощь силами противника. Конечно, это был риск, но риск обоснованный. Полководец точно рассчитал все возможные варианты этого маневра и был твердо уверен в успехе. Через семь дней с группировкой врага было покончено. За успешное проведение этой операции Ивану Степановичу присваивается звание Маршала Советского Союза.

У Конева удачно сочеталось умение правильно определять кризисные моменты обстановки с настойчивостью и несгибаемой волей в достижении поставленной цели, подкрепленной огромной организаторской работой. При этом принятое решение он отстаивал с присущей ему откровенностью и прямоотой. В этом плане характерен такой пример.

В июне 1944 года Конев вызвали в Москву. Состоялся телефонный разговор с Верховным Главнокомандующим. Речь шла о разработке плана новой фронтовой наступательной операции с целью разгрома противника в Прикарпатье и освобождения Западной Украины.

Такой план был разработан. При докладе о нем в Кремле присутствовали члены ГКО, Политбюро ЦК ВКП(б), представители Ставки и Генштаба.

— Как нам представлялось,— вспоминал Иван Степанович,— был это обстоятельный и хорошо продуманный план. Однако он вызвал возражения со стороны Верховного Главнокомандующего.

— А почему два удара? — зажигая трубку и разгоняя рукой сизый дымок, спросил он.— Может быть, два удара и не стоит наносить? Пусть вместо двух ударов будет один мощный, сокрушительный!

— Прошу вас,— заявил Конев,— взять за основу оперативный план фронта и утвердить его. Фронт — крупное войсковое объединение. И мы в силах самостоятельно решать боевые задачи...

Присутствовавшим казалось, что Верховный Главнокомандующий вот-вот возразит Коневу, пожурит его за напористость и поступит по-своему. Однако он по-прежнему размеренно ходил по кабинету, о чем-то раздумывая. Потом вдруг остановился возле Ивана Степановича, пытливо посмотрел на него и с характерным акцентом бросил:

— Вы очень упрямы! — И после некоторой паузы, пряча усмешку в усы, добавил:— Что ж, может быть, это и неплохо. Когда человек так решительно отстаивает свое мнение, значит, он убежден в своей правоте.

Позднее Иван Степанович заметил по этому поводу:

— Скажу откровенно, не упрямство владело мною, а убежденность в своей правоте. Мне был вверен фронт, насчитывающий более миллиона человеческих жизней, и я отвечал не только за выполнение плана предстоящей операции, но и за жизнь людей, которых пошлю в бой.

Подтверждением правоты Ивана Степановича стал блестящий результат Львовско-Сандомирской операции, достигнутый войсками фронта: была разгромлена немецко-фашистская группа армий «Северная Украина», создан Сандомирский плацдарм, сыгравший важную роль для подготовки Висло-Одерской операции. За отличное выполнение задач, проявленное при этом мастерство, доблесть и мужество 325 соединений и частей 1-го Украинского

Маршал Советского Союза И. С. Конев и генерал-полковник К. С. Москаленко на командном пункте в Карпатах. 1945 г.

фронта награждены боевыми орденами, а 160 воинов удостоены звания Героя Советского Союза. Среди них — командующий войсками фронта Маршал Советского Союза И. С. Конев.

В годы войны многие журналисты стремились написать о Коневе. Сделал такую попытку и Борис Николаевич Полевой, предложив написать о нем очерк.

— Чепуха, — довольно резко заявил командующий. — Великие подвиги, о которых надо писать, совершают люди, сами идущие в атаку. А вы — очерк о Коневе! Кому он, этот очерк, сейчас нужен? О генералах, товарищ батальонный комиссар, уместно будет писать после войны, когда Красная Армия Берлин возьмет. Не раньше.

Иван Степанович подошел к карте Европы, висевшей на стене.

— А Берлин, вон он еще где. До Берлина нам с вами далеко.

— Ну а после того, как... возьмем Берлин?

— Тогда пожалуйста, — скупой улыбнулся командующий. — Тогда и беритесь за нашего брата.

При всей строгости Иван Степанович чутко относился к подчиненным. Два-три его искренних, по-комиссарски душевных слова снимали скованность у бойцов, и они охотно делились с «большим начальством» своими заботами и надеждами. Особенно

глубоко уважал Конев тех людей, которые добросовестно выполняли свой служебный долг. В этой связи характерен один эпизод, происшедший после ликвидации корсунь-шевченковской группировки противника. Конев возвращался на танке в штаб. И вдруг гул мотора стих. Командующий отрывается от своих мыслей. Что случилось?

Впереди целая колонна тяжело нагруженных грузовиков застряла у переправы. Дорогу танку преграждает лейтенант с интендантскими погонами. Приняв, очевидно, командующего фронтом за командира танка, он резко потребовал, чтобы тот помог вытащить застрявшие машины.

— Не можем. Торопимся,— ответил Конев и приказал водителю трогаться.

Танк заурчал. Но лейтенант бросился наперерез машине:

— Ты что же, друг, русского языка не понимаешь? — закричал он на того, кого принимал за командира танка.— Там наша бригада, слышишь, бой ведет, последние боеприпасы добывает, а тебе лень машины со снарядами вытащить. Хоть давите гусеницами — не пропущу!

Конев отдал короткое распоряжение и спрыгнул на землю. С помощью стального троса танк перетягивал застрявшие машины через ручей. Командующий шагал по протопанной в снегу стезе, то и дело поглядывая на часы. Лейтенант бойко руководил «операцией». Но когда ему сказали, что тот, кого он принял за командира танка, Маршал Советского Союза Конев, оробел, подбежал к командующему, вскинул руку к виску:

— Товарищ Маршал Советского Союза. Я не знал...

— Правильно действуете, лейтенант! Как фамилия? Пастухов? Соломахин, запишите его данные. Правильно действуете, старший лейтенант Пастухов. Одобряю настойчивость.

Устная молва об этом случае долго ходила по войскам. Задержать командующего в пути — это же ЧП фронтового масштаба.

— Простить себе не могу, что допустил эту историю,— рассказывал адъютант маршала.— Поздно вылез из танка. Ведь «мессеры» вдоль дороги так и ходили. Представляете, что могло случиться? Ну, а когда он приказал машины эти чертовы вытаскивать, что я мог сделать?

Далее адъютант подтвердил факт досрочного присвоения Пастухову воинского звания — старшего лейтенанта. И добавил:

— Наш такие вещи помнит. Забудешь сделать — проверит, узнает, что не выполнил,— шкуру спустит. Спрашивал потом, выполнен ли его приказ.

В период подготовки Висло-Одерской операции, главной политической целью которой было полное освобождение Польши от гитлеровской тирании, исключительно важная роль отводилась танковым объединениям и соединениям фронта.

— Мы с вами стоим на пороге фашистской Германии,— отмечал Конев на совещании руководящего состава 3-й гвардейской танковой армии.— Необходим еще один прыжок на пути к полной победе. Нам выпала большая честь одними из первых ворваться в пределы этой страны. Чем ближе к заветной цели, тем ожесточеннее будет борьба. Задача эта нам по плечу... Не ввязывайтесь в мелкие стычки, обходите узлы сопротивления, не задерживайтесь в городах, выходите на оперативные просторы, не оглядывайтесь по сторонам... Танковые войска — это стальная стрела, которая должна успешно проникнуть в глубь Германии.

В этом — еще одна особенность полководческого почерка маршала Конева. Совершив прорыв даже на сравнительно узком участке фронта, он смело вводил в него танковые войска с заданием стремительно двигаться вперед.

Командовавший в годы войны и армией и фронтом генерал армии И. Е. Петров подчеркивал: «Со стороны можно подумать, что наш маршал, как азартный игрок, в горячах бросает на стол все свои козыри. А вдруг неприятель контрударом залатает прорыв и танки окажутся, как изволят выражаться наши противники, в мешке. Так это, может быть, и выглядит, если смотреть со стороны. Но мы-то... штабники, видим кулисы, мы знаем, что происходит за сценой до того, как поднимается занавес. Тут Иван Степанович работает как бухгалтер. Умело и точно все подсчитывает. Все как есть. И возможности транспорта и снабжения, учитывает даже характер своих командиров и командиров противника. Только когда все рассчитано, расставлено, подвезено, тогда и отдается приказ о наступлении... И заметьте, что ни на 2-м, ни на 1-м Украинском фронте он при таких рискованных маневрах ни разу не засадил в окружение ни одного корпуса, ни одной дивизии».

К этому можно добавить, что Иван Степанович Конев рассматривал танковые рейды в оперативную глубину как самую эффективную форму наступления. Но при этом считал, что рейд только тогда результативен, когда проводится в тесном взаимодействии всех родов войск. И подчеркивал: обязательно авиации. Она должна играть огромную роль и в подавлении опорных точек, и в уничтожении подтягиваемых резервов противника, и, наконец, в сопровождении танковых колонн с воздуха. Без этого прорыв мог стать дорогостоящей авантюрой.

Лучшим подтверждением сказанного служат многие операции, в том числе и Висло-Одерская. Всего два дня потребовалось войскам И. С. Конева, чтобы разгромить не только тактические, но и ближайшие оперативные резервы противника. Вот что пишет о начале наступления войск 1-го Украинского фронта немецкий историк второй мировой войны Курт Типпельскирх: «Удар был столь сильным, что опрокинул не только дивизии первого эшелона, но и довольно крупные подвижные резервы, подтянутые по

Маршал Советского Союза И. С. Конев вручает награду младшему лейтенанту М. С. Герасименко. 1-й Украинский фронт. 1945 г.

категорическому приказу Гитлера совсем близко к фронту... Глубокие вклинения в немецкий фронт были столь многочисленны, что ликвидировать их или хотя бы ограничить оказалось невозможным. Фронт 4-й танковой армии был разорван на части, и уже не оставалось никакой возможности сдержать наступление русских войск».

Наиболее блистательный марш-маневр танковых сил Конев осуществил в последний день войны в операции против мощной, более чем миллионной группировки фельдмаршала Шернера, войска которого не сложили оружие после официальной капитуляции. Все дивизии Шернера, находившиеся на территории Чехословакии, начали форсированное движение на Прагу с целью продолжить всеми средствами борьбу с Красной Армией. Но этому помешали танковые армии Рыбалко и Лелюшенко. Совершив марш-маневр из разных пунктов, они догнали дивизии Шернера на дорогах в чешских Рудных горах и, с ходу атаковав их с тыла, стремительно овладели горными перевалами, вышли на тылы и коммуникации основных сил группы армий «Центр», достигли Праги с двух направлений и как бы прикрыли ее стальным кольцом.

Но все это будет впереди. А второго апреля 1945 года в Ставке рассматривался стратегический замысел Берлинской операции, в соответствии с которым задача разгрома берлинской группиров-

ки противника возлагалась на войска 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов во взаимодействии с Краснознаменным Балтийским флотом и авиацией дальнего действия. Окончательным сроком начала операции было установлено 16 апреля.

Как отмечает Г. К. Жуков, Верховный Главнокомандующий не согласился с одним — разграничительной линией между 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами, обозначенной на карте Генштаба. Тут он указал маршалу Коневу:

— В случае упорного сопротивления противника на восточных подступах к Берлину, что наверняка произойдет, и возможной задержки наступления 1-го Белорусского фронта 1-му Украинскому фронту быть готовым нанести удар танковыми армиями с юга на Берлин.

На Берлинском направлении, как это было впоследствии установлено, у противника находилось около миллиона человек, более 10 400 орудий и минометов, 1500 танков и штурмовых орудий, 3300 боевых самолетов, а в самом Берлине спешно формировался двухсоттысячный гарнизон.

— Приходилось ли кому-нибудь из военачальников этой или другой войны решать более сложную задачу, чем которую предстоит сейчас решать Маршалам Советского Союза Жукову и Коневу в этом сражении, втянувшим в себя несколько миллионов солдат, десятки тысяч орудий, танков, самолетов? — задавался вопросом в своих фронтовых записях Борис Полевой. — А между тем лицо Конева спокойно. Я бы даже сказал, обыденно. И вот опять из-за канала послана очередь, где-то у самых ног маршала цвикнула пуля и, взвизгнув, отрикошетила, или, как говорят солдаты, ушла за молоком. Он только посмотрел в ее сторону и продолжал по телефону отдавать приказ, связанный с боями в Потсдаме...

Ведя ожесточенные бои с противником, войска двух фронтов соединились юго-восточнее Берлина, отсеки от города главные силы 9-й и часть сил 4-й танковой армии фашистов. 25 апреля завершилось окружение собственно берлинской группировки войск. А на следующий день «Правда» писала: «Берлин окружен советскими войсками. Эта весть молнией облетит весь земной шар, вызовет новую волну восхищения доблестью и искусством Красной Армии, породит в сердцах советских людей чувство еще большей благодарности своей армии-освободительнице. Раздавшийся вчера в Москве радостный салют явился торжественным отзвуком грохота тысяч советских орудий, разящих врага вокруг Берлина и на улицах германской столицы. Берлинская операция вызывает изумление современников, она будет привлекать самое пристальное внимание историков. Красная Армия на протяжении последних лет поражает мир невиданными еще по размаху и эффекту военными операциями. Поход к Берлину венчает золотой список побед советского оружия... Окружение Берлина решает судьбу обороняю-

шей его группировки. Берлинский гарнизон обречен, никакая сила не сможет пробить кольцо советских войск. Окружение Берлина наносит германской армии страшный удар не только военного, но морального и политического значения. Этим ударом Германия разрезается на куски. Советские войска схватили фашистскую Германию за горло».

1 мая И. С. Конев получил директиву Ставки. Войскам фронта, который он возглавлял, предписывалось завершить ликвидацию окруженной вражеской группировки южнее Берлина и передать занимаемую полосу войскам 1-го Белорусского фронта, во взаимодействии со 2-м и 4-м Украинскими фронтами приступить к разгрому девятисоттысячной группировки немецко-фашистских войск в Чехословакии. А 2 мая в Берлине раздался телефонный звонок из Москвы. Верховный Главнокомандующий сообщил об утверждении плана операции по освобождению Праги.

— Готов? — спросил Верховный.

— Готов! — ответил Конев.

— Ну с богом, начинай!..

«Памятное напутствие, — вспоминал И. С. Конев. — С богом, так с богом! Хоть с чертом, лишь бы освободить Прагу и поставить точку на освобождении Европы от фашизма. ...Придется действовать осмотрительно, чтобы спасти от разрушения древнюю Прагу. Поэтому город не бомбить. Ни в коем случае...»

Салют в честь освобождения Праги стал предпоследним салютом войны на Западе. Последний военный салют — салют Победы, данный из тысячи орудий, прозвучал в Москве через несколько часов.

Подписанный 8 мая 1945 года в Берлине акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии положил конец второй мировой войне в Европе. Это была священная народная война «не ради славы, ради жизни на земле». С первого до последнего ее дня шел в строю и Иван Степанович Конев.

Особенно радостным для него стал день 24 июня 1945 года, когда состоялся Парад Победы в Москве.

— Именно тогда я впервые почувствовал по-настоящему праздник, — отметит Иван Степанович спустя годы.

В мае 1945 года на встрече командования 1-го Украинского фронта с группой американских генералов и офицеров произошел интересный эпизод. Корреспондентка одной из американских газет привезла только что вышедший в свет красочно оформленный номер военного журнала американских вооруженных сил. В нем целую страницу занимал дружеский шарж, созданный на основе известной васнецовской картины «Три богатыря». Богатыри, как им и полагается, сидели на своих мохнатых богатырских конях. У них, правда, были сегодняшние знакомые черты. В Илье Муромце, сидевшем в центре, легко узнавался Георгий Константинович Жуков, в Добрыне Никитиче — Иван Степанович Конев, а в

Алеше Поповиче — Константин Константинович Рокоссовский — прославленные советские маршалы. В подписи значилось: «Русские богатыри». В ней выражалось прежде всего признание полководческого искусства выдающихся советских военачальников, их глубокая связь с народом, который одержал победу в жестокой борьбе с фашизмом, принес освобождение многим странам мира.

...Прошли десятилетия. В 1965 году заслуженному полководцу подрастающая юность присвоила новое звание — «Комсомольский маршал». Для молодежи он снова стал старшим по званию. Миллионы юношей и девушек нашей страны начали под командованием маршала Конева замечательный поход поколений по местам боевой и трудовой славы советского народа. Эстафетой подвига назвал его Иван Степанович. «Глядя в глаза юности, мы и сами молодеем», — любил повторять он. И нередко добавлял:

— Нас, военных людей, военачальников, иногда представляют уж слишком однобоко. С одной стороны, как огрубевших в годы суровой службы солдат. С другой — как людей сугубо профессиональных. То есть мало что знающих, кроме своей военной профессии. Я считаю это глубоким заблуждением. При всем том, что мы разного происхождения, кто из рабочих, кто из крестьян, все мы, пришедшие в Красную Армию с Великим Октябрем, одухотворены революцией. И это выше всех различий. Идеи Маркса, идеи Ленина вошли в плоть и кровь каждого из нас. И ленинский призыв учиться, учиться и учиться стал для нас законом жизни.

Ивану Степановичу Коневу часто писали по разным вопросам разные люди. Одним он помогал в трудоустройстве, другим — в определении своего места в жизни, третьим — в поиске истины. Как-то летом 1963 года, когда Конев отдыхал в Крыму, в гости к нему пришли артековцы. Ребята много говорили о своих делах, делились с маршалом своими мыслями и заботами.

— А что вы, Иван Степанович, любите больше всего? — спросили они в конце беседы.

— Больше всего, ребята, люблю трудиться. Каждую хорошую работу люблю. В детстве — столярничать, затем — пилить лес, потом — работать с людьми, познавать труд военного человека. В конце концов, по-моему, не так важно, что делает человек, кто он по профессии, чем он занимается, а как он делает свое дело... Терпение, способность, физическую силу — все можно выработать в себе, если по-настоящему захотеть, если не давать себе поблажек. Бесцельно прожитые годы, дни, часы и минуты никому никогда не восстановить...

Так выражал свою главную мысль, свою жизненную позицию Иван Степанович. По рассказам очевидцев, он постоянно учился, возил с собой целую библиотеку. Увлекался чтением Ливия, а также наших классиков. Он мог свободно приводить в разговоре примеры из Гоголя, Пушкина, Льва Толстого, Фрунзе, Клаузевица. Любил цитировать Маяковского, Твардовского, Багрицкого, Свет-

Маршал Советского Союза И. С. Конев на учениях. Слева — рядовой Я. И. Папка, в центре — рядовой Н. М. Голот

лова. Часто размышлял о духовном мире Кутузова, Багратиона, Дениса Давыдова. Довольно легко читал по-английски. Его любимое произведение — «Песня о Буревестнике» А. М. Горького, а любимые стихотворные строки — «А он, мятежный, просит бури, как будто в бурях есть покой».

Боевые друзья маршала вспоминают и такой пример, который ярко характеризует отношение Ивана Степановича к литературе, искусству вообще. В первые послевоенные дни Коневу сообщили, что в штольнях каменоломни на Эльбе обнаружены сокровища Дрезденской галереи.

Через час командующий стоял уже в каменном распадке, где находились картины. Ему доложили, что в общем-то шедевры целы, но близкие разрывы бомб, сброшенных англо-американской авиацией, раскачали камни, своды пещеры. В помещение затекла вода, полотна отсырели, покрылись плесенью.

— Надо сейчас же все эвакуировать в сухие помещения, — сказал маршал и распорядился отвести для этого летний дворец Саксонских королей, оказавшийся совершенно целым.

Участвовавший в этой поездке Б. Н. Полевой так описывал данный эпизод. По просьбе Ивана Степановича лучшие реставраторы-художники, срочно прилетевшие из Москвы, Ленинграда и Киева, восстанавливали картины. Любуясь «Сикстинской мадонной», которая как бы шагала по облакам в голубом сиянии небес,

прижимая к груди очаровательного малыша, маршал пришел к неожиданному решению:

— Знаете что, отберите десять наиболее ценных полотен, я отправлю их в Москву для немедленной реставрации. Самолетом.

— «Сикстинскую мадонну» самолетом? — удивилась искусствовед Наталья Соколова. — А если самолет упадет?

— Это отличный самолет. Мой самолет. Опытнейший экипаж... Я сам на этом самолете летаю.

— Но вы же маршал, а она мадонна, — совершенно искренне произнесла Соколова.

Маршал рассмеялся:

— Что верно, то верно. Разница кое-какая есть...

Чуть позже Иван Степанович заметит:

— А ведь что там ни говори, вовремя мы освободили «Сикстинскую мадонну» Рафаэля, «Спящую Венеру» Джорджоне, картины Тициана, Рубенса, Рембрандта, Ван Дейка и других мастеров живописи.

— Это точно, товарищ маршал, — подтвердил офицер из трофейного управления фронта. — Такого трофея у союзников нет. Это будет, как мне представляется, достойной компенсацией за музеи советских городов, которые гитлеровцы разрушили, разграбили, сожгли.

— Вы так полагаете? — Конев обернулся и сурово посмотрел на произнесшего эти слова офицера. — А я вот думаю, вряд ли на это пойдет Советское правительство.

— Но ведь немцы сколько всего награбили.

— Мы не гитлеровцы.

— Но позвольте, товарищ маршал, а Наполеон? Лувр просто-таки трещит от его трофеев. Он ведь тащил с собой сокровища Московского Кремля. А сколько награбили англичане для своего Британского музея!

— Вот именно награбили, нагребли, накрали. Мы советские воины, а не Наполеон и не английские империалисты, — раздельно, будто диктуя, говорил маршал. — Понятно это вам, товарищ подполковник?

— Так точно, товарищ маршал. Вы, конечно, правы, — спешит ретироваться ученый спутник (но отступал он, подчеркивает Б. Н. Полевой, без всякого энтузиазма).

— Конечно, казалось бы, справедливо все это забрать, — как бы думая вслух, произносит Иван Степанович. — Но ведь все это принадлежало не Гитлеру, а немецкому народу. Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается. Немецкий народ вечен...

И сегодня, зная решение Советского правительства о возвращении Дрезденской галереи, мы невольно думаем: как же правильно рассуждал этот дальновидный человек!..

Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков и И. С. Конев среди артиллеристов

Как-то после одного из комсомольских походов, в котором участвовал Иван Степанович, к нему в гости приехал Б. Н. Полевой.

— Я ожидал увидеть усталого человека, — рассказывал он. — Шутка ли в такие годы отгрохать на вездеходе по бездорожью сотни две километров, участвовать в разборах, целыми днями иметь дело с шумной, любопытной, задиристой публикой! Ничуть не бывало. Я увидел перед собой загорелого, бодрого человека с молодым блеском в глазах.

Иван Степанович рассказывал увлеченно, приводил интересные факты о том, как ребята относятся к ответственному поручению, а затем после небольшой паузы добавил:

— Вот кое-кто ворчит — молодежь, молодежь. Такая-то она и эдакая-то. Не в нас, мол, растет, не то у нее на уме. Старшее поколение, что там греха таить, любит поворчать. Мы-де другими в эти годы были, не то что наши сыновья да внуки. Чепуха! Мы, солдаты гражданской и Великой Отечественной войн, с гордостью можем сказать, что смена у нас растет замечательная и что есть у нас кому передавать дела... Ей есть, что защищать, есть, что свято хранить, есть, во имя чего бороться! Мы уверены, что советская молодежь, юные ленинцы всегда будут верны славе своих отцов, матерей, старших братьев и сестер.

Высокие партийные и деловые качества, беспримерное мужество и героизм в борьбе с врагами нашей Родины, теплота и чуткость к людям снискали Ивану Степановичу Коневу любовь и уважение советского народа и воинов Вооруженных Сил. Память о талантливом полководце, общественном и государственном деятеле живет в названиях улиц Москвы и Ленинграда, Львова

и Вологды, гиганта теплохода, бороздящего воды Черного моря. Имени маршала И. С. Конева удостоено одно из старейших военных училищ — Алма-Атинское высшее общевойсковое командное. На его родине, в деревне Лодейно, воздвигнут бронзовый бюст и открыт мемориальный музей.

В Москве на доме по улице Грановского, где жил маршал, и во Львове на здании штаба Краснознаменного Прикарпатского военного округа, которым он командовал, установлены мемориальные доски.

И. С. Конев страстно стремился поделиться с подрастающим поколением своим богатейшим боевым и жизненным опытом. В помещении Центрального Комитета ВЛКСМ у него был свой постоянный кабинет. Из-под его пера вышло немало работ. Центральное место среди них занимают книги «Записки командующего фронтом» и «Сорок пятый». Само его имя, овеянное боевой славой, служило и служит делу военно-патриотического воспитания советских юношей и девушек.

Выдающиеся заслуги И. С. Конева высоко оценены Советским государством. Он дважды удостоен звания Героя Советского Союза, награжден семью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова I степени, двумя орденами Кутузова I степени, орденом Красной Звезды, высшим советским военным орденом «Победа», Почетным оружием. И. С. Конев удостоен также звания Героя ЧССР и МНР, награжден многими орденами и медалями ряда социалистических стран и других государств.

Вступив в двадцать лет в партию большевиков, свято выполняя заветы В. И. Ленина, он прожил жизнь борца, патриота и интернационалиста.